

18+

Людмила Андреева

**ЗАКОУЛКИ
СУДЬБЫ**

Людмила Андреева

Закоулки судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63373941

ISBN 9785005180353

Аннотация

Многие судьбы затронула Отечественная война, оставив свой безжалостный след в людских душах... Проводив жениха на фронт, Анфисина жизнь круто меняется.

Содержание

Закоулки судьбы	5
I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Закоулки судьбы

Людмила Андреева

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-8035-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закоулки судьбы

*Строителям
оборонительного
рубежа посвящается.*

Сурско-Казанского

I

Она часто вспоминала их вечер. Тот последний вечер, когда они сидели в поле, за околицей, у горящего костра. Смотри на языки жаркого пламени, каждый думал о грядущей разлуке. ...Сколько она продлится?.. – год, два?.. больше, меньше? Тогда никто не мог ответить на этот вопрос. Никто. Наши войска отступали и потери, по сводкам Информбюро, были значительные. С самого начала войны, а уже сентябрь заканчивался, наступление немцев шло словно по накатанной дороге. В новостях только и говорилось о сданных, «после долгих и упорных боев», городах.

Ночь выдалась звездная, и прохлада проникала под кофточку. Анфиса зябко поежилась. Петр заметив это, снял свой пиджак и набросил на ее плечи. Пододвинувшись к нему поближе, она произнесла:

– Как же я буду без тебя, Петруша?.. — в ее голосе послышались слезы. — Надо было нам пожениться...

– Нет, Анфиса. Не до этого сейчас. Не до свадьбы. И, потом, в случае чего... — тут он немного замялся и, после небольшой паузы, уточнил: — Ну, если меня убьют, ты выйдешь за другого...

– А какая разница... — уже чуть не плача проговорила Анфиса.

Но Петр грубовато перебил ее:

– А я буду знать, дождалась ли ты меня...

– Значит, ты мне не веришь?.. — совсем упавшим голосом произнесла она.

– Глупышка ты Анфиса!.. — в его голосе прозвучала такая нежность и любовь, что Анфиса ощутила себя так, будто в этот момент теряет все... — Если для меня, твоя чистота очень значима, то коли не вернусь живым, другой спросит с тебя – кому, мол, отдала свою честь... а я не хочу ломать твоей жизни. Не хочу!

– А я – не выйду ни за кого замуж! Мне никто не нужен, кроме тебя! Слышишь, никто!.. — и она разрыдалась.

Он обнял свою суженную за плечи и повернул ее лицо к себе:

– Перестань так говорить, не надо! Ты молода, тебе – жить! Кому будет от этого легче? Никому... Ты только дождись меня, хорошо?

– Конечно, Петруша. Я буду тебя ждать, буду! Моя любовь всегда будет с тобой, всю жизнь!..

В полдень, от сельского совета, из их деревни отправился

небольшой отряд мобилизованных мужчин. Среди них и он, девятнадцатилетний и единственный мужчина в семье. Отца Петра похоронили за восемь лет до начала войны. Его подвода ушла под лед, когда тот перебирался по хрупкому льду на другой берег, возвращаясь из райцентра. Повзрослевшего очень рано Петра ни на минуту не покидало чувство ответственности перед матерью и четырьмя сестренками, которые были одна другой меньше. ...А у Анфисы – семья небольшая. Мать да младше на целый десяток лет сестренка Шура. Отец сгинул еще в финскую, так что в доме все держалось, как впрочем, и было впоследствии во многих семьях, на женских плечах. Помогая матери по хозяйству, Анфисе пришлось держать в руках не только метелку и сковороду, а и молоток.

Будто предчувствовала тогда Анфиса, что не судьба им быть вместе. Не судьба...

Совсем скоро многих бездетных женщин из деревни отправили рыть окопы. Сколько лиха натерпелась восемнадцатилетняя Анфиса – знает только она! Холодно, голодно... бывало работали под проливным дождем, а после и обсушиться было негде. Поселили их в продуваемом со всех сторон ветрами сарае, где на наспех сколоченных нарах лежала солома. Тогда-то Анфиса и заболела воспалением легких. В очень плохом состоянии отправили ее в госпиталь. Довольно долгое время она находилась между жизнью и смертью. Молодой организм все же победил. Хоть и медленно

Анфиса стала поправляться. За время рытья окопов и болезни, Анфиса сильно похудела. На ее лице остались лишь большие темные глаза. Именно эти глаза, с выражением обреченной тоски и печали, привлекли внимание завхоза, отъявленного бабника и негодяя.

– «...Поедем, красотка, кататься... давно я тебя поджидал!..» — увидев ее во дворе госпиталя, пропел он густым басом. — Че-то я тебя раньше не замечал... откудава ты?

Анфиса смутилась:

– Я лежала в лихорадке... пару дней, как встала.

– А я думал, что ты – вольнонаемная, новенькая, — окинув ее своим масляным взглядом, ну точно кот на сметану смотрит, он произнес: — Ишь как исхудала-то! Кожа да кости!.. Краше – в гроб кладут!.. Ну ничего, были б кости, а мясо – нарастет!..

Он вынул из кармана своей фуфайки пряник и протянул ей.

– На-ка, побалуйся...

Она не хотела брать, стеснительно пробормотала:

– Спасибо, не надо...

Но он насильно сунул его прямо в руку девушке, сказал:

– Ну-ка не прекословь старшим! Бери, пока дают!.. А бить будут – убегай!.. — и ушел, оглядываясь на ее худенькую фигурку в большом ватнике поверх больничного халата.

Девушка стояла посреди двора и смотрела на пряник... есть совсем не хотелось, но он соблазнительно поблескивал

белыми облитыми сахарным сиропом боками на темном, что не удержавшись, она надкусила краешек. Анфиса была сыта. Только недавно завтракала пшенной кашей сдобренной маслом. А вот пряник сама не заметила, как истаял у нее во рту! И таким вкусным он ей тогда показался, что до сих пор, когда уже прошли десятилетия, она помнит его вкус. Должно быть, морозный воздух сделал свое дело. Да может и голодуха на окопах сыграла свою роль. И она была так молода!..

Если бы знать какой горечью и бедой все это потом обернется, она только завидев крепкую фигуру этого завхоза на горизонте, кинулась бы в бегство! Но Анфиса ничего этого не предчувствовала в тот момент. Ее сердечко молчало. А этот завхоз стал захаживать к ней и приносить небольшие гостинцы. То салыца кусочек завернутый в чистую тряпицу, то пышную булочку обсыпанную маком, то пряник или же несколько карамелек... Она так привыкла к появлению этого человека в отгороженном для нее закутке, что постепенно стала воспринимать его как старшего брата или дядю. У ее матери был брат в его годах...

После полного выздоровления он устроил Анфису на работу при госпитале и она, снимая отдельный угол в частном доме, ходила на работу стирать бинты и белье раненых. Ей казалось, что тут от нее гораздо больше пользы. И потом, не исключала вероятности свидеться с ее ненаглядным Петрушей.

В деревне дела шли трудно. Мужчин постепенно всех забрали и остались там одни женщины, дети и немощные старики. Мать писала дочери, что жилось там несладко. Так что Анфисе жаловаться было грех. И возвращаться обратно ей естественно не хотелось. Она предпочитала оставаться здесь, где все кипело и бурлило. Тихая деревенская жизнь — не по ней.

Завхоз тем временем тихонечко подбирался к ней, все ближе и ближе... Когда Анфиса окончательно перестала его дичиться, наступил перелом. Уже открытым текстом он потребовал свое.

— На свете ничего просто так не бывает!.. — цинично заявил он. — Даром что ли, я так долго обихаживал тебя, строптивую козочку?!

— А я тебя просила? — Анфиса со слезами на глазах пыталась отразить словесные атаки и открытое наглое приставание завхоза. — Я... я буду жаловаться! Я никогда не стану спать с тобой!

— Куда ж ты денешься, миленькая! Коли не хочешь попасть под трибунал — будешь!

— Под какой еще трибунал?.. — испуганно вскинулась она.

— Обычный трибунал, — пряча злорадную улыбку в своих рыжих усах, завхоз принялся раскрывать перед несчастной девушкой ожидающую ее перспективу. — Уклонение от трудовой повинности по закону военного времени строго карается по закону. ...Тюрьма тебя ждет, голубушка, тюрьма!

– Но, я же не сбегала с рытвья окопов!.. — тихо проговорила Анфиса. — Я же больная очнулась в госпитале...

– Ты, голубушка моя дорогая, должна была по выздоровлению отбыть по месту отбывания трудовой повинности. Или же, на худой конец, по месту постоянного проживания!.. А ты вместо этого уже пару месяцев неизвестно где прохлаждаешься!..

Тут Анфиса в запальчивости выкрикнула, что он сам предложил ей остаться здесь.

– И потом, я же работаю! Ты же сам сказал, что я – вольнонаемная! Что ж ты меня все запугиваешь?!

– Никто тебя не запугивает. Я только констатирую факты... — он уселся на стоящий поблизости табурет и принялся закручивать сигарку. — Мне ж тебя жалко стало. Сгинула бы ты. ...И никто тебе не поверит! Я тут – не при чем! А вот ты неприятности себе наживешь, как пить дать! Эх Анфиска, набьешь ты шишек на свою голову со своим строптивым характером! Слушай меня и все будет хорошо!

Анфиса подошла к нему и зло блестя глазами, с ненавистью, выдавила из себя:

– Не делай из меня виновную! Заморочил ты мне голову своими речами, хватит! Больше тебя слушать не буду! Завтра же пойду к начальнику и спрошу то, о чем ты мне сейчас калякал. И про тебя – не забуду! Да я лучше удавлюсь, чем буду спать с тобой!

Завхоз молча положил свернутую сигарку на край стола

и медленно встав с табурета посмотрел на девушку так, что та почувствовала как по ее спине от страха забегали мурашки. Протянув руку к пятящейся задом Анфисе, он схватил ее за косу и рывком дернул к себе.

— Ах ты, неблагодарная тварь!.. — процедил он сквозь зубы. — Я тебе мешать не стану! Но прежде не полюбовно так против воли, ты мне вернешь свой долг!.. — и потащил упирающуюся изо всех сил девушку к кровати с горой подушек.

Никогда раньше Анфиса не думала, что человек может в какие-то считанные минуты из добродушного и заботливого превратиться в жестокого бессердечного изверга. Долго он измывался над своей беззащитной жертвой.

...Утром находясь в прострации от произошедшего, измученная насильником девушка собрав свои скромные пожитки в узелок отправилась на вокзал, где ее и задержал военный патруль. Выяснив кто она и откуда, ее действительно даже не выслушав поместили в тюрьму. Завхоз оказался прав, Анфису осудили к полугодовалому заключению, после отбытия которого она – беременная оказалась в прямом смысле слова на улице...

Ее подобрала добрая женщина, солдатка. Привела к себе. Накормила, вымыла в баньке, дала приют. Очерстевшую сердцем Анфису невозможно было растормошить. Окружающий мир для нее мгновенно превратился в кишашую клоаку, где ей не было места. Пару раз она пыталась наложить на себя руки, но чудом осталась невредимой. Женщи-

на, оказавшая ей покровительство, в обоих случаях словно чуя неладное возвращалась домой и успевала вытащить, измученную своею неприкаянностью, Анфису из петли. В последний раз бедную девушку прорвало и она разрыдалась.

Когда женщина спросила у нее о родственниках, Анфиса забилась в истерике:

– Нельзя мне сейчас домой, нельзя!.. Господи, что же мне теперь делать?!

Женщина прижала к себе девушку и глядя ее по голове, с жалостью в голосе произнесла:

– Раз тебе так ненавистен этот ребенок, родишь и можешь отказаться от него. Зачем же лишать себя жизни?! Не стоит брать греха на душу, мы и без этого все погрязли в пороках... к тому же младенец – безвинная душа, негоже его губить. ... А пока поживи у меня. В деревне никто и не узнает. Если сама никому не скажешь. ... Не бери тяжкого греха на душу, не надо!

Это для нее выход. Только что Анфиса скажет любимому, когда тот вернется с фронта? Какими глазами посмотрит в очи ненаглядного? Что ему скажет в ответ на его упрек?.. Не смогла она себя сберечь, не смогла!.. вот ведь как случилось. ... Он обязательно скажет ей, «... так-то ты меня ждала?! На кой черт тогда ты мне нужна?» Да, она ему будет уже не нужна!.. Анфиса сидела и плакала от горечи своих мыслей, асиным роем крутящихся в ее голове.

– А ты – не думай за него! Это последнее дело – домысли-

вать то, чего может и вообще несвойственно человеку. Коли он тебя любит, он – поймет и простит тебя! Расскажешь ему всю правду, ведь твоей вины здесь нет... настоящая любовь – все прощает! Не горюй, успокойся...

Легко сказать – успокойся, когда на душе кошки скребут. Но все равно беспросветная черная ночь для Анфисы забрезжила рассветом. К тому времени как ей приспело рожать, она уже не напоминала затравленного всеми зверька. Лишь ее глаза приобрели суровое выражение, а в уголках пухлых губ спряталась скорбная складка. Складка душевной печали и боли.

Родила она девочку вопреки всем испытаниям выпавшим на долю молодой матери, здоровенькую и крепкую. Когда Анфисе принесли ее для первого кормления, она наотрез отказалась.

– Я не возьму ее! Не хочу кормить ребенка своего насильника! Хватит с меня уже того, что я носила его под сердцем!..

Ничто не могло смягчить ее. Ни уговоры врача и сердобольных нянечек, ни осуждающие и порой хоть немного сочувствующие взгляды других мамаш, лежащих тут же. Анфиса так и не примирилась со своим положением. Жестко, чтоб раз и навсегда, она сказала «нет» и после выписки уехала к себе на родину. В деле ее дочери только и осталась расписка-отказ.

Вернувшись домой, Анфиса застала чахоточную мать и совсем отчаявшуюся сестренку. Уже на смертном одре

мать Анфисы произнесла фразу, которая всегда молотком стучала в висках:

– Ты – остаешься за старшую... не бросай сестренку, дочка... будь ей за мать...

...По окончании войны, когда Петр наконец переступил порог родного дома и обнял своих близких, в их дверь робко постучалась Анфиса. В деревне все знали, что до войны они дружили и их считали хорошей парой, под стать друг другу.

Петр смотрел в лицо своей любимой и не узнавал ее. Черты лица вроде бы прежние, а было в ней что-то незнакомое и чужое. И на висках воронова крыла – блестили серебряные ниточки волос...

Предчувствуя недоброе, вечером за околицей, он спросил:

– Что произошло, Анфиса? Почему в твоем взгляде столько суровости и скорби? Расскажи мне...

Она опустила голову и по ее щекам покатались скупые слезинки.

– Ну, что ж ты... что, ты... — он принялся пальцами утирать их и обняв ее за плечи, прижал дрожащую девушку к себе.

Но Анфиса отстранилась от него и пошла вперед. Сколько раз мысленно она начинала эту беседу и не могла довести до конца. Теперь же настал черед истинного разговора, который для нее значим настолько, что казалось решался вопрос жизни и смерти. Ждать было уже нечего, пора расставлять все точки по местам... и она, с дрожью в голосе и холодком

в груди, начала свой печальный рассказ.

— ...Теперь, Петруша, ты знаешь все... — закончила она и осмелилась поднять свои глаза на ненаглядного.

Его взгляд был устремлен куда-то в даль мимо нее, а пальцы со злобной яростью терзали затейливо вышитый кисет с махоркой... казалось он, ничего из сказанного ею, не слышал. Анфиса легонько коснулась руки Петра.

— Петруша, ты меня слышишь?..

Он посмотрел на нее невидящим взглядом и произнес:

— Да, я все слышал... — отвернувшись от нее он медленно пошел прочь.

Почувствовав себя так, будто у нее без наркоза вырезают сердце, Анфиса отчаянно крикнула ему вдогонку:

— Куда же ты?! Ну не молчи, умоляю тебя!.. Скажи же, хоть, что-нибудь!..

Петр обернулся:

— Что я должен тебе сказать? Ты мне все рассказала, спасибо. ...Но кто подтвердит правоту твоих слов? Может все было иначе, кто знает? Я знаю только одно, что ты меня не дождалась... — он зло сплюнул на дорогу. — Как я могу теперь тебе верить после всего, как? И вообще, как ты представляешь нашу совместную жизнь в дальнейшем? Лично я — без понятия!.. Между нами всегда будет стоять этот ребенок, которого ты оставила как безродного в том приюте!..

— Но ведь ты бы его не принял?! — Анфиса, запыхавшись, стояла уже подле него.

— Конечно, — согласился он. — Зачем мне чужой?.. Но и отказавшаяся от своего ребенка женщина... это уж слишком. ...Он же ни в чем не виноват!..

— А как я должна была жить и растить дочь человека, который мне ненавистен? Она бы мне постоянно напоминала о перенесенном позоре, Петруша...

— Коль ты не захотела принять это унижение, что я-то сделать могу?.. — недоуменно, с некоторой долей злобности, произнес Петр. — Я-то тут при чем, скажи?!

— Неужели от твоей любви не осталось ничего?.. — с ужасом проговорила она и слезы снова навернулись на ее глаза.

Петр пристально посмотрел на нее:

— Я тебя всегда любил Анфиса и дорожил тобой... а теперь вот не знаю... у меня такое чувство, что меня обманули, плюнули в самую глубину души! Твой рассказ вызвал во мне волну протеста. Должен сказать тебе честно. Я не смогу относиться к тебе по-прежнему. Не смогу...

— Ну что же мне теперь делать, что?.. — ее ноги подкосились и Анфиса в бессилии упала на траву, у ног Петра. — Скажи мне, Петя-а-а!..

Он поморщился:

— Как я могу знать, что тебе делать?! Тебе свою судьбу вершить, а не мне. Живи, как знаешь!.. — и ушел.

Оправдались все ее худшие предчувствия и опасения. Петр отвернулся от нее. На что она ему такая, порченная? Он теперь не доверял ей. «...И правильно делал!.. — думала

она. — Разве можно верить тому, кто не смог сдержать данное слово?...»

Если бы не сестренка, Анфиса точно бы что-нибудь сотворила бы с собой. А так ей ничего не оставалось делать как, скрепив свое сердце, жить. И жизнь шла своим чередом, раны затягивались оставляя после себя безобразные рубцы и шрамы.

Через год Петр сыграл свадьбу, взял в жены девчонку с соседней улицы, на много лет младше себя. Анфисе казалось, что не вынесет этого испытания. Ей было больно видеть счастливые лица молодоженов. Юная красавица-невеста чем-то отдаленно напоминала ее, Анфису. Но она сама себе твердила, что эта девушка во много раз чище и невиннее ее. А смуглый и кучерявый Петр конечно же прав. Всем хочется счастья. Заслуженного и долгожданного. Только вот обидно, что Анфису судьба обделила им. Вроде бы говоря, что обойдешься и без него...

Женившись на Шуре Вовка вроде бы остепенился. Возраст и положение – делают свое дело. Престарелая мать замучила его, женись да женись!.. Что еще ему оставалось делать? Тем более, он встретил (в прямом смысле слова – на дороге) девушку запавшую ему в сердце.

Ехал он в райцентр, выполнял свой обычный рейс. На обочине стояла кучка народа. Он посадил их в кузов. А когда Вовка уже садился в кабину за руль краем глаза увидел,

как по проселочной дороге, от деревеньки, бежит-торопится какая-то дивчина. Вопреки своему обыкновению (никогда не ждал опоздавших), терпеливо дождался пока запыхавшаяся девушка, блеснув своими очаровательными глазками в Вовкину сторону, не забралась к нему в кабину.

– Ой, спасибочки!.. — улыбнулась она своей неповторимой улыбкой, показав все тридцать два зуба.

– Не стоит благодарностей!.. — небрежно произнес он. — Куда направляемся?.. — и повернул ключ зажигания, одновременно нажав на педаль газа.

– В райцентр... — отчего-то смутившись ответила она.

– По делам, или как?.. — снова поинтересовался Вовка.

– Или как...

– Значит за покупками... — сделал вывод Вовка. — Что ж, это тоже – надо. Молодым и красивым хочется, — он не стал уточнять, что именно им хочется.

Посмотрев на дорогу по которой они ехали, перевел взгляд на зеркало. Чернобровая, сероглазая, с пухлыми алыми губками.

– ...Как звать-величать тебя, красавица?

– Александра... — так же смущенно ответила она и надолго замолчала.

– А я – Владимир. Но для тебя просто – Вова. Ты из этой деревни?.. — она утвердительно кивнула. — Не думал я, что там живут такие девушки!..

Всю дорогу он так и рассыпался перед ней, рассказывал

различные смешные истории и анекдоты. Та вначале сдержанно улыбалась, но потом ее как прорвало и она хохотала чуть ли не до самого райцентра. Что стало причиной такого Вовкиного красноречия, он и сам не мог осознать. Впрочем из-за нее-то он совсем упустил из виду, что у него есть еще пассажиры – Вовка не взял с них обычную плату за проезд. Не до этого ему было, не до этого...

– Ты – обратно, когда поедешь?.. — спросил Вовка у девушки, высаживая у магазина на центральной площади.

– Не знаю, как управлюсь... — неопределенно ответила Шура.

– Я часа через полтора освобожусь... может, вместе поедем? Я сюда подъеду...

Она ничего ему не ответила. Убежала. А у Вовки в ушах все звучал ее звонкий переливистый смех.

Когда он подъехал к магазину, Шуры там не было. «... Неужели уехала?.. — пронеслось у него в мозгу. — Надо у автовокзала посмотреть...» И он решил поехать туда. Отъехав чуть подалее, у края тротуара заметил идущую фигуру девушки в светлом цветастом, как и у его новой знакомой, платье. Он посигналил. Девушка обернулась. Это была она, Шура.

Вовка высунулся из кабины и радостно крикнул:

– Ты че, не подождала меня?.. — девушка пожала плечами. — Садись!..

Забравшись к нему в кабину, она сказала:

– Я не думала, что ты серьезно тогда сказал...

Он сделал обиженное лицо:

– Обижаете, мадмуазель!.. Серьезнее меня нет человека во всей округе!.. — он выпятил грудь вперед. — У кого хочешь – спроси.

Вообще-то и правда, его нельзя было назвать несерьезным... особенно когда он ставил перед собой определенные цели касающихся личных интересов. А так, он запросто мог наобещать и не сделать. Что греха таить, было за ним такое, в чем сейчас Вовка не хотел признаваться. Но это – дело, как говорится, десятое.

Он открыл бардачок. Там у него лежал кулечек сахарной помадки, предусмотрительно им купленный в чайной.

– Угощайся!

– Спасибо.

– Ты попробуй, а потом и говори – спасибо... — он сердито посмотрел на смутившуюся девушку. — Ну, бери же!..

Шура робко протянула руку к кульку и взяла одну конфетку.

– Спасибо.

– Ешь – на здоровье!.. — улыбнулся он. — Ты, не стесняйся, бери еще! Я специально купил, для тебя...

На ее щеках расцвел румянец и Шура пытаясь скрыть свое замешательство от его слов, потупила свой взгляд. А Вовка недовольно подумал про себя, что не надо бы так ему открыто проявлять свой интерес... но ничего не мог с собой по-

делать. Очень уж понравилась эта девушка. Скромненькая, аккуратненькая, ладная. Было бы очень хорошо, привлечь ее внимание. А ради этого он на все готов пойти. На какие угодно жертвы и траты. Хотя мотом Вовка никогда не был, но и скупым себя не считал. Кой-какой капиталец у него имелся. Так что, это считал аргументом в свою пользу. К тому же, внешне, он – не урод. Не коротышка и не «дылда», рост нормальный. Девчата никогда не обделяли его своим вниманием. Да и язык подвешен как надо, мог и байки рассказать коли понадобится. Чего девчонкам еще надо? Разве что возраст... тут он покосился на спутницу. Шура положив конфетку в рот, получала удовольствие от сласти. Ей не больше двадцати... а ему – парой недель назад, двадцать шестой пошел. Не старик ведь еще!

– Ты работаешь, учишься?..

– Да... бухгалтерские курсы закончила, в конторе сижу...

Вовка от неожиданности присвистнул. Он-то думал, что она – на ферме, дояркой вкалывает...

– Сколько ж, годков-то, тебе?

– Двадцать три скоро будет, — совсем смутилась Шура.

— А чего?

– Да так... уклонился от ответа Вовка и, после некоторой паузы, произнес: — Слушай, а какая у тебя семья? Большая, небось...

Она повернулась к нему:

– Нет. Я живу с сестрой.

– А родители?.. — удивился он, почему-то подумав о том, что на сиротку она не похожа.

– Я – сирота. Батяка – погиб, а мама умерла...

– Значит живешь с сестрой, — как бы подводя итог, в задумчивости проговорил Вовка. — А сестра чай – замужем?

– Не... — Шура покосилась на него. — Что ты, все пытаешь меня? И до всего тебе есть дело...

– Может ты – понравилась мне и я сватов зашлю... — он с прищуром глянул на девушку. Та от удивления поперхнулась и вытаращила на него глаза. — Че, смотришь?.. не веришь?.. А я вот завтра же и приду!

– Разве же так это бывает?.. — когда к ней вернулся дар речи, обескуражено произнесла Шура.

Вовка, улыбаясь, смотрел на нее:

– По всякому бывает, по всякому...

– Нет, ну мы с тобой только сегодня познакомились, а ты уже о сватовстве заикнулся. ...Шутишь небось!..

– Опять ты меня обижаешь своим недоверием... Предупреди сестру, и жди...

И вправду, собрав небольшую компанию из закадычного друга Саньки, старого холостяка-брата, матери и свахи Ивановны явился к ним собственной персоной. Шура совсем не ожидавшая такого поворота дела, весь вечер простояла у печи теребя свою косу на плече. Как потом она призналась ему, ей не верилось происходящее. Словно во сне Шура пролепетала свое согласие и все удовлетворенно зашумели, при-

нявшись обсуждать свадебные хлопоты.

После небольшой свадьбы они стали жить у ее сестры. Хотя самому Вовке это было не по нраву. Но выбирать не приходилось. У его матери был небольшой домик из одной горенки. А у Шуриной сестры в относительно еще нестаром доме, перегороденном тесом надвое комнатками – места на первое время хватало всем.

– Ничего, погоди немножечко, — говорил Вовка своей молодой жене. — Совсем скоро мы отстроим свой дом... Дай только время...

И действительно, приезжая домой на обед он то и дело сваливал из кузова что-то из строительного материала. Доски, брусья, кирпичи, куски рубероида... Сестра Шуры Анфиса, с удивлением смотрела на зятя и только молча качала головой. Она стала подозревать, что тот подбирает все, что плохо лежит. Как-то Шура с ним заговорила: откуда, мол, все это...

– А ты не спрашивай, а принимай – как должное!.. — только и ответил он. — Много будешь знать – скоро состаришься!

Вовка не мог понять, почему женщины всего боятся. Времена Сталина закончились! Не хватало, чтобы еще и свояченица через жену мозги ему начала вправлять!.. Его мать все уши прожужжала, что – надо жить с оглядкой на других. Что, мол, люди не любят хапуг и куркулей, единоличников. Ей откровенно говоря не нравилось то, что он старался

сгребать все под себя. Но разве это означает, что Вовка обязательно хапуга? По его разумению, если в голове крутятся мозги, то всегда будешь стараться из копейки сделать рубль, а из рубля – два... Умение жить на дороге не валяется и дорогого стоит. Хозяйственность не каждому присуща... Вон старший братан Ленька. Совсем из другого теста слеплен! Последнюю рубаху готов отдать со своего плеча! А кому?.. – да хоть первому встречному! Ему без разницы. Впервые видит человека и коли тому негде остановиться, милости просим – готов приютить у себя как бы на общественных началах. Напоит, накормит и спать уложит. И все это из милосердия и человеколюбия. А Вовка иной. Он не привык почем зря добро переводить. Любую копейку с умом надо тратить, не разбрасывать направо и налево. Так недолго и совсем без штанов остаться...

Да и он ничего плохого не совершает. Он же не виновен раз его руки прямо зудеть начинают при виде бесхозного добра... это как говорят издержки природы. Натуру не переделаешь. Но ведь то, что его так и тянет туда, где есть возможность халявы, не так уж и плохое качество. Лично Вовка сам никогда не считал это пороком. Все равно не ты так другой – этим воспользуется! Так зачем же упускать случай? Иначе со стороны выглядело глупо! К тому же он все несет в дом, а не наоборот. ...И вообще Вовке всегда было наплевать на то, что о нем думают другие. Каждый отвечает лишь за себя!..

С чего все началось? Пожалуй, с лепешек из лебеды и картофельных очисток. В военное лихолетье, когда подчистую выгребли все запасы и не осталось почти ничего, что можно было отправить в рот, а в животе жутко урчало, Вовка дал себе слово – стать зажиточным хозяином. Да и кто тогда не мечтал о кружке молока с огромным ломтем хлеба? У всех было так, у всех. Именно с тех пор он и старается. Из кожи вон лезет, где можно и нельзя – заработать. Братан сколько раз выговаривал, что государственную машину используешь в целях личной наживы. Обеднеет оно что ли, когда вон сколько всего даром разбрасывается?! Нет настоящего хозяина, нет и не будет. Раз все наше, общее, значит – ничье. Потому что, всегда было так, что у семи нянек – дите без глазу. Никому ничего не надо и никто ни за что не отвечает!.. Так что нечего его, Вовку, шпынять! На себя бы посмотрели!.. А Ленке-то, что... в самое голодное время, когда они тут пухли он был на полном довольствии у государства. Солдат кормили и поили. А о них, тружениках тыла, никто не заботился. С них только и требовали – давай!.. И попробуй не дай, сразу переведут во враги народа! Вся страна работала лишь на фронтовые нужды.

Сейчас вон за кукурузу берутся, возводят ее чуть ли не в ранг национальной политики. Как будто одною ею будешь сыт... бросаются из крайности в крайность, а у простого люда только чубы трещат! А ну их всех к черту! Не любил Вовка рассуждать на эту тему. Пустая трата времени,

да и неприятностей можно нажить! А ему неприятности не нужны. Вот только покрепче на ноги встать и тогда заживут они с Шурой на славу. Построят свой дом, двор будет полон живности и детишки будут бегать... много не надо, хватит двоих пацанов.

— Зачем пацанов? Надо и девочку одну... — робко возразила мужу Шура.

— Можно и девку для разнообразия. — Вовка снисходительно согласился с женой. — Мальчик и девочка — полный комплект. Наш дом должен быть безупречен со всех сторон. Чтобы дети всегда ходили сытыми и обутыми...

— Ну ежели войны не будет, — начала было она, но муж ее перебил.

— Не дай, конечно, бог, но я должен сделать все, чтобы мои дети — не голодали! Кровь из носу, а сделаю это!

В его словах звучало столько решимости, что Шура не сомневалась, что это так и будет. Потому что до сих пор, у нее еще ни разу не было повода усомниться в муже. Сказал — сделал, вот это и нравилось ей в нем. А то, что он тащил все домой... ну не из дома же! Вот в этом случае, это стало бы весьма прискорбно! Потом, каждый человек имеет свою слабинку, нет людей абсолютно идеальных во всех отношениях. И она готова закрывать на это глаза. Именно теперь она почувствовала себя словно за каменной стеной. За мужем. Что еще надо для счастья человеку?

Если на то пошло, у них в деревне даже близко похоже-

го на него – нет. Все какие-то не такие. Ее сестра доньше одна. Ждала-ждала своего жениха с войны, а он взял и женился на другой. А ведь друг в друге души не чаяли, красивая любовь была... Шура помнила все о предвоенной дружбе Анфисы и Петра. У нее-то все получилось гораздо прозаичнее. Анфиса как-то раз попеняла ей, что ты, мол, Шура, возможно поспешила, поторопилась. С бухты-баряхты кинулась в объятия незнакомого парня.

– Смотри как бы не вышло тебе боком, твое скороспелое замужество!

– Люди всю жизнь знакомы, да и ничего у них не вяжется! Если на это смотреть, то вообще жить не стоит! Через года полтора, глядя на тебя, я тоже превращусь в старую деву! А я этого – не хочу! Слышишь, Анфиса? Не хочу!..

Нет, Шура пока еще ни разу не пожалела о своем решении. То, что муж ее немного скуповат, она заметила уже после свадьбы. Но эта скупость в отношении жены – не была столь явной. Он всегда ей возвращаясь с работы что-нибудь да приносил. Словно до сей поры еще ухаживал за ней...

Однажды Вовку отправили из райсельхозтехники, где он работал, в областной центр, за важным строительным грузом. Приехав домой он весь вечер находился в задумчивости. Уже лежа в постели он произнес:

– Знаешь, мне тут в голову пришла одна идея, — он вздохнул. — Не перебраться ли нам в город?

Шура удивленно посмотрела на мужа:

– В райцентр, что ли?..

– Да нужен мне этот задрипанный райцентр!.. — досадливо поморщился Вовка. — Большое село, что я там забыл?! Я про областной – говорю!

У Шурыхватило дух:

– Ты это серьезно?

– Серьезней некуда! Что нам тут прозябать?.. А там можно будет капитально устроиться. И возможностей будет больше! Все лучше, чем в деревне!

– Но где мы там будем жить? Ты же хотел строиться... — жена не понимая смотрела на мужа. — Ты только и мечтаешь о своем доме, о своем хозяйстве... а где в городской квартире – кабанчика-то держать?..

Он приподнялся на подушке и сел:

– Там тоже можно будет построиться. Купить старенький домик и перестроить его. На окраине – очень много частных домов. С этим – проблем не будет. Ты только представь как здорово мы заживем! Работы в городе – навалом! Хочешь – на стройку, хочешь – на завод... Одних заводов – несколько. Комбинат, фабрика, больницы, школы!.. И нашим детям со всех сторон будет лучше!.. Вот где раздолье, Шура! Заживем мы с тобой по-барски...

Она словно замороженная смотрела на мужа. Перспектива обрисованная им, казалась ей очень заманчивой. Шутка ли – уехать из родного колхоза, где прожила всю свою жизнь и дальше райцентра – не бывала... У нее даже дух за-

хватило!

– Слушай, а нас – отпустят?

– Почему бы и нет?.. У меня же – паспорт, а ты – моя жена. Пусть только попробуют... — в его голосе послышались угрожающие нотки.

Шура вздохнула и через некоторое время спросила:

– А как же Анфиса?

– Анфиса?.. — переспросил Вовка. — А что – Анфиса? У нее – своя жизнь, а у нас – своя! Мы же не должны всю жизнь жить под ее крылышком. У нас с тобой семья, мы от нее – независимы!

– Ну... я имела в виду, что она тут останется одна, — грустно проговорила Шура. — Все-таки она мне заменила родителей... больше у меня никого нет. Ты да она...

– Ну и поживет одна, ничего с ней не случится... не страшно. Может кого в пару и найдет себе... Мы ведь будем приезжать в гости, не за тридевять земель уедем. И она может приехать, навестить...

Долго они шептались лежа в постели. Только, далеко за полночь затихли решившись ехать и обговорив все детали. На утро Вовка сразу принялся улаживать все дела со своим начальником. Шура должна была обговорить на счет себя в конторе. И уже потом, когда все будет готово, они сообщат всем своим. В предвкушении значительных перемен они действовали как заговорщики... На следующий же день по деревне поползли слухи. Анфиса когда Шура пришла

из конторы, с ходу спросила у нее, правда ли то, что говорят люди?

– А что, говорят люди?.. — словно не понимая спросила та.

Анфиса вспылила:

– Не делай из меня – дурочку... а то ты, не знаешь?! ... Почему я, обо всем узнаю лишь в последнюю очередь?! Будто я – тебе совсем чужая!..

– Мы с Вовой решили никому пока не говорить... — поняв, что отпираться бесполезно, решила признаться Шура сестре. — На случай, если ничего у нас не получится...

Устало опустившись на лавочку у стола, Анфиса произнесла:

– Ох и горе-конспираторы!.. Да вся деревня уже знает о вашей «тайне»... И куда это вы срываетесь, сломя голову?! Время-то какое смутное, тревожное!.. Ох, чует мое сердце – не к добру вы, все это, затеяли! Не к добру!..

Шура подошла к сестре и села рядышком:

– Да что ты заладила «не к добру», да «не к добру»... Брось, все будет хорошо! Вот увидишь!.. — и немного помолчав добавила: — Признаться, мне тоже страшновато. Но я верю мужу, он не пожелает нам плохого!.. Тут-то легче что ли нам? Взять хотя бы тебя... с утра до ночи горбатишься в колхозе, а на трудовни – получаешь всего ничего... разве же это справедливо? Посуди сама, Анфис... Разве бы мы выжили, если б не кормилица наша – Красавка?.. Давно бы

ноги протянули. В войну-то, когда ты на окопах была, наша корова вернулась с распоротым брюхом. Пришлось ее прирезать. Мясо пошло в счет налога. Что осталось – съели. Настали трудные дни. Мама изо всех сил нашу телочку еле выходила... туго приходилось. Все сено свозили на колхозную ферму... Да ты сама все знаешь. Потом уже мы с тобой спасали Красавку. Сколько всего натерпелась, страшно вспомнить... — она вытерла навернувшиеся на глаза слезы.

– Значит оставляешь ты меня... — грустно проговорила Анфиса. — Ладно. Выросла ты уже... Меня ты, все равно, не слушаешь! Хорошо. У тебя теперь своя семья, поступайте – как знаете! Но только смотри, как бы потом жалеть не пришлось!.. — она тяжело вздохнула и обняла сестренку за плечи. — Ты никогда не забывай, что коли произойдет что... я тебе всегда помогу всем, чем только смогу...

В доме зависла тишина, которую нарушил вернувшийся с работы, Вовка:

– Ну что, красавицы?... Че, носы-то повесили? Случилось, что?.. — он все пытался пригладить свои зачесанные назад непослушные, пепельного цвета, вихры.

Шура встала с лавочки, навстречу мужу:

– Так, вспомнилось кое-что... Кстати, нашу с тобой тайну – вся деревня уже знает!

– Ну и ладно. Значит, все само собой и уладилось... — добродушно заметил Вовка.

Встав со скамьи и направившись к печи, Анфиса поторо-

пила своих:

– Давай Шура помоги мужу умыться и садитесь за стол, будем вечерять.

...Это была осень второй половины пятидесятых...

В аудитории никого не было. Тая закрыв за собой дверь, бросила на сиденье свою сумку. В общежитие идти не хотелось. Она мечтала хоть чуток побывать в одиночестве, обдумать все произошедшее. Но это ей не удалось. Перед ней вдруг выросла фигура незнакомца. Тая его не заметила, так как он сидел в дальнем углу. Она от неожиданности даже вздрогнула.

– Ой, как ты меня напугал!.. — чуть ли не вскрикнула она.

– Значит твоя совесть – не чиста, раз пугаешься неожиданностей... — с улыбкой произнес незнакомец.

– С чего это ты сделал такие выводы? — Тая с любопытством окинула его долговязую фигуру.

Худошавый, неуловимо чем-то похожий лицом на иконописное изображение Иисуса Христа, которое она видела на медальоне бабы Кати. Глубоко посаженные глаза этого парня пронзительно смотрели на нее, будто заглядывали в самую глубину ее души так, что Тае захотелось уткнуться в его сухощавое плечо и выплакаться. Выплакаться за все время ее неприкаянного детства и юности. Но поймав себя на этом желании, она встряхнулась, словно скинула с себя наважде-

ние:

– Просто я совсем не ожидала, что тут передо мной объявишься ты, или еще кто другой...

Незнакомец доброжелательно, как бы извиняясь, сказал:

– Ну ладно, забудем... А ты что, на первом курсе учишься? Что-то я тебя не видел раньше...

– Да. — Тая почему-то почувствовала в себе робость.

«Странно, — подумала она. — Я же не маленькая девочка-первоклашка, впервые переступающая порог школы!.. Определенно, что-то не то со мной сегодня творится! Сама себя не узнаю...»

– А я – на втором, физмата... — заявил он. — Меня Глебом зовут...

– Тая... — тихо ответила она и опустила серовато-зеленые глаза с длинными черными ресницами. Почувствовав как ее лицо стала заливать ненавистная в свое время краска, она подхватила свою сумку и в замешательстве кинулась к двери.

– Куда же ты, подожди, — донесся ей в спину недоуменный голос Глеба. Догнав ее уже на лестничном пролете между этажами, он взял Таю за руку. — Пожалуйста, подожди...

– Чего тебе?.. — нарочито грубовато спросила она. Не хватало еще снова заполыхать перед ним. Подумает еще, что понравился...

– Знаешь, мне сейчас совсем не хочется быть одному... может, мы с тобой куда-нибудь сходим?

– А мне наоборот, хотелось побыть одной, но ты – спутал все мои планы!.. — выпалила она. — Черт бы тебя побрал!..

Глеб грустно улыбнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.